

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА: К ИРОНИИ ОДНОГО КОНЦЕПТА

Поцелуев Сергей Петрович	доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: spotselu@mail.ru
Курбатов Андрей Владимирович	студент, Южный федеральный университет (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: and.kurbatov2012@yandex.ru
Маник Анастасия Сергеевна	студент, Южный федеральный университет (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: manicknastyu@yandex.ru

Аннотация

Целью данной статьи является анализ цензурной функции политической корректности. По мнению авторов, данный вопрос требует, прежде всего, концептуального прояснения, поскольку квалификация политкорректности как цензуры для многих неочевидна и даже парадоксальна. Опираясь на концепты «невидимой цензуры» П. Бурдьё и «символической власти» Т. Ван Дейка, авторы показывают, каким образом расширяется понятие политической цензуры, охватывая и практику политической корректности. С другой стороны, рассматривается, каким образом феномен и концепт политической корректности по мере своей эволюции сближается с цензурными практиками. Отдельное внимание в статье уделяется дискурсивным особенностям политкорректности как разновидности символической политической цензуры; сверх того, оцениваются социально-политические риски, связанные с этим явлением.

Ключевые слова: политическая корректность, политическая цензура, символическая цензура, публичный дискурс, когнитивная цензура, мистическая партиципация, табуизация, эвфемизм, лингвистический конструктивизм, перформативность, политический эскапизм.

Введение. Несмотря на то, что концепция политической корректности изначально была задумана как «способ, позволяющий воздерживаться от выражений, взглядов, и действий, которые могут являться оскорбительными для других членов общества»¹, прошлогодний «памятникопад» в США и аналогичные акции в других странах ярко продемонстрировали узость такой трактовки «политической корректности». Ведь требование снести памятники и переименовать улицы ссылается как раз на «неполиткорректность». Идеологи низовой войны с артефактами исторической памяти говорят, к примеру, об «институциональном» расизме, который эти артефакты легитимируют уже своим присутствием. Неполиткорректным объявляется сам термин «раса». И вот уже либеральным немецким депутатам это кажется достаточным основанием, чтобы убрать «нехороший» термин из «Основного закона» Германии. Хотя первоначально он был внесен туда как раз для того, чтобы грядущие поколения страны не забывали о расовом безумии Третьего рейха². Стремительное превращение политкорректности из моральной нормы в карательную практику стало столь очевидным в наши дни, что даже рядовые журналисты пишут о ней как о «бездонном цензурном болоте»³. В любом случае, с политической корректностью на наших глазах совершается довольно злая историческая ирония, и это делает необходимым более глубокое осмысление данного феномена.

«Политкорректность»: форма политической цензуры или норма политической порядочности? В научной литературе существует огромное количество определений политической корректности, причем угол рассмотрения такой проблематики зависит как от дисциплинарной, так

¹ Political correctness // Cambridge Dictionary // URL:

<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/political-correctness> (дата обращения: 06.07.2020).

² SPD, FDP und Linke wollen "Rasse"-Begriff im Grundgesetz streichen // ZEIT ONLINE. Juni 10, 2020 // URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-06/grundgesetz-streichung-rasse-begriff-spd-fdp-gruene-deutsche-verfassung> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Ukkola S. Patsaiden kaatajat ovat väärässä ja Eskimo-puikon nimi pitää säilyttää – noitavaino saa riittää! [Люди, свергнувшие статуи, ошибаются, а название «Эскиммо» должно быть сохранено – хватит охоты на ведьм!] // Iltalehti. 25.06.2020 // URL: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/c98c2fa4-9a1c-4345-aff6-84cbf2b827e6> (дата обращения: 12.12.2020).

и политической ориентации авторов. С одной стороны, филологами были предложены вполне позитивные русскоязычные версии термина «political correctness» – «языковой такт», «коммуникативная корректность», «политическая грамотность» – с целью разграничить лингвистическую проблему от целого комплекса политических, этических и философских аспектов [1]. С другой стороны, нет недостатка и в русскоязычных определениях данного концепта, отмечающих его негативную функцию – как «практику прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных социальных групп» [2].

В любом случае, квалификация политкорректности как вида цензурного запрета не является открытием последних лет; она характерна (в той или иной мере) для многих критических оценок данного явления. Известный британский журналист Ник Коэн связывает с феноменом политкорректности характерный для нашего времени социальный тип лицемеров, которые проклинают других за их сексистский, расистский, гомофобский и т.п. язык, но при этом не делают ничего, чтобы бороться с реальной несправедливостью. Такие люди «будут приветствовать политическую корректность, потому что это дает им новые возможности для запугивания и контроля»¹. В том числе, цензурного контроля. Причем с виду мягкая цензура политкорректности действует в некотором смысле жестче цензуры прямой, поскольку политкорректность предполагает, что отдельные слова запрещаются не потому, что они оскорбительны, но лишь из-за того, что они *могут таковыми* кому-то показаться².

Примером упреждающего действия политкорректной цензуры может служить запрет сказок «Красная Шапочка», «Спящая красавица» и др. в библиотеке школы «Табер» в Барселоне как эффект ревизии на предмет «скрытого сексизма», проведенной неправительственной организацией «Ассоциация пространства и досуга»³. Политкорректность тем самым не только игнорирует существенность различия между детским и взрослым интеллектом; ей безразлично и то, что толкование одной и той же книги людьми разной культуры, воспитания и идеологических убеждений может отличаться настолько, что ответственность за эти интерпретации не возьмёт на себя ни один автор [3].

Здесь можно отметить две крайние позиции, которые сходятся в своей идеологической ангажированности, правда, полярной направленности.

Так, сербский автор Бобана М. Анжелкович из консервативного по духу аналитического центра «Katehon» вводит понятие «замаскированной цензуры», усматривая суть последней в передаче функций политической цензуры от государственных органов к неофициальным неправительственным учреждениям, осуществляющим ее под вывеской борьбы за права человека, в особенности, социальных меньшинств⁴. Но с трактовкой политкорректности как формы политической цензуры категорически не согласны многие либерально настроенные авторы. Так, Стивен Сингер, гражданский активист из США, заявляет, что «политкорректность – это не цензура, а порядочность»⁵. Приписывание же политкорректности цензурного статуса есть для американского публициста эффект чисто консервативной позиции. Однако сведение Сингером политической цензуры к прямой цензуре государственных органов явно противоречит даже широко известному понятию «мягкой цензуры». С другой стороны, не каждый согласится с тезисом, что «давление, оказываемое лоббистами политической корректности, хуже, чем традиционная цензура и даже расистская пропаганда»⁶. Одним словом, серьезная и научная дискуссия о цензурной роли политической корректности еще далека от завершения.

¹ Cohen N. Political correctness: How censorship defeats itself // The Spectator. January 28, 2015. // URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2015/01/political-correctness-how-censorship-defeats-itself/> (дата обращения: 12.12.2020).

² Wilson J. Political Correctness Is Censorship // Libertarians. June 20, 2020 // URL: <https://alibertarianfuture.com/libertarians/political-correctness-is-censorship/> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Barcelona school removes 200 sexist children's books // The Guardian. April, 18, 2019 // URL: <https://www.theguardian.com/books/2019/apr/18/barcelona-school-removes-200-sexist-childrens-books> (дата обращения: 12.12.2020).

⁴ Andjelkovic B.M. Falsehood of Political Correctness and Censorship in Disguise // Katehon. 02.03.2018. // URL: <http://katehon.com/article/falsehood-political-correctness-and-censorship-disguise> (дата обращения: 12.12.2020).

⁵ Singer S. Political Correctness Isn't About Censorship — It's About Decency // HuffPost. April 04, 2017 // URL: https://www.huffpost.com/entry/taking-back-your-name-the-pros-and-cons-of-political_b_58e3f976e4b09dbd42f3db2a (дата обращения: 12.12.2020).

⁶ Andjelkovic B.M. Falsehood of Political Correctness and Censorship in Disguise // Katehon. 02.03.2018. // URL: <http://katehon.com/article/falsehood-political-correctness-and-censorship-disguise> (дата обращения: 12.12.2020).

Символическая цензура как разновидность неформальной политической цензуры. Тип политической цензуры, разновидностью которого является контроль публичного дискурса посредством политической корректности, мы будем называть в данной работе *символической цензурой*.

Обычно в публичном (во многом рекламно-пропагандистском) дискурсе видят лишь навязывание какой-то информации, не замечая, что она одновременно выступает в роли «блокирующего устройства» [4, с. 203]. И то, что на публике сознательно замалчивается рекламой и пропагандой, политически не менее значимо, чем то, что ею сознательно там продвигается. Эти два момента – пропагандистское продвижение и блокирование определенных смыслов – суть моменты одного дискурсивного процесса. На этот аспект символической цензуры в свое время обратил внимание У. Липпман, назвавший PR-агента одновременно «цензором и пропагандистом», несущим при формировании новостей ответственность не перед общественностью, а перед своим работодателем [5, с. 322].

Еще ближе к понятию символической цензуры располагается концепт «невидимой цензуры», предложенный П. Бурдьё в его анализе телевизионного дискурса с его дискурсивными манипуляциями и «символическим угнетением». Эта цензура невидима из-за того, что граница между цензурирующим и подцензурным не маркирована жестко, здесь имеет место взаимный обмен ролями. Причем такая цензура анонимна – «она не осознается как таковая и не есть реализация чьей-либо воли» [6, с. 62]. Но так понятая невидимая цензура рискует раствориться в общем массиве идеологических практик, выступая лишь их метафорой.

В этой связи надо отметить две методологические крайности в понимании политической цензуры, которые следует исключить для корректного толкования феноменов *символической цензуры*. Первая крайность состоит в редукции цензуры к полицейской блокировке определенных текстов. Вторая – в отождествлении политической цензуры с действием политической идеологии.

Концепт символической цензуры понимает под политической цензурой установление барьера не просто между текстом и отдельным человеком, но «между обществом и событием» [5, с. 61-62]. При этом в символической цензуре сохраняются следующие отличительные признаки любой цензуры: надзор за содержанием и распространением информации; недопущение распространения идей и сведений, признаваемых нежелательными; в отношении подцензурного дискурса реализуется преимущественно (хотя и не исключительно) вертикальная (монологическая), а не горизонтальная (диалогическая) позиция; субъект цензуры (цензор) осуществляет свою практику целенаправленно, он так же идентифицируем, как и объект цензуры, даже если сама цензура невидима невооруженным глазом.

Вместе с тем, в символической политической цензуре некоторые моменты классического понятия цензуры меняются существенно. Во-первых, происходит сдвиг в объекте цензурирования: теперь это не столько определенный символ, сколько смысл, который может быть навязан любым символам (текстам), причем не только реальным, но и потенциальным. Во-вторых, в символической политической цензуре государство не рассматривается в качестве ее единственного субъекта; в роли последнего выступают и другие релевантные политические игроки со своими специфическими адресными группами. Сверх того, существенно возрастает роль самоцензуры.

Можем ли мы отнести к символической цензуре упомянутую Бурдьё «невидимую» политическую цензуру на ТВ? Фактически в «невидимой цензуре» французский социолог соединил два вида цензуры, которые в литературе различаются как разные способы воздействия на СМИ со стороны властных субъектов: «неформальная цензура», «мягкая цензура» и «самоцензура» [7, с. 147]. Причем, если в понятие неформальной цензуры включаются требования согласовывать материалы для публикации и нелегальный запрет на распространение той или иной информации, то под мягкой цензурой подразумеваются методы финансового (материального) воздействия на авторов: субсидии, льготы, дотации, дополнительные доходы и т.п.

Чтобы обеспечить прибыль, собственники медиа осуществляют политический контроль над медийным контентом, но делают это косвенно, через соответствующую кадровую политику и отбор в «символическую элиту», которая «контролирует типы дискурсов, темы, тип и объем информации, осуществляет подбор и корректирование аргументов и определяет характер риторических операций» [8, с. 56]. И уже эта элита устанавливает свои правила и символы «политкорректности», которые тележурналисты в условиях резервной армии безработных предпочитают соблюдать в «добровольно-принудительном» порядке.

Символическую цензуру мы рассматриваем как проявление неформальной цензуры на уровне дискурса и символическими средствами самого дискурса. При этом непосредственным субъектом такой цензуры выступают символические элиты. За этой практикой всегда стоит реальный политический актор, который преследует четкую властную стратегию – не допустить в публичное пространство определенные смыслы, выражаемые определенными символами.

Именно к так понятой символической цензуре мы и относим и практику политической корректности, хотя эта практика не исчерпывается лишь символической цензурой, а эта последняя – только политической корректностью. Отметим теперь ряд специфических черт символической цензуры посредством политкорректности.

Политкорректность как вид символической цензуры. Прежде всего следует отметить *комбинированный характер политкорректной цензуры*: в ней совмещаются, дополняя друг друга, как неформальные, так и формальные практики цензурирования. По словам немецкого политического социолога А. Диракиса, политкорректность действует как цензура в различных формах: субъективно (через морально мотивированную самоцензуру), интересубъективно (как психологическое давление со стороны окружающих) и объективно (посредством правовых норм, административных правил, профессиональных инструкций и т.п.)¹. Если субъективно-интересубъективное воздействие политкорректности относится к неформальным цензурным практикам, то объективное – к хорошо известной цензуре со стороны государственных органов.

В пользу комбинированного действия политкорректной цензуры говорят многие прецеденты полицейской реакции на нарушение норм политкорректности. Так, к одному британскому докеру явилась полиция, после того, как местный «сотрудник по вопросам сплоченности общин» обвинил его в совершении «инцидента на почве ненависти против трансгендерных людей». И это всего лишь на том основании, что 53-летний отец семейства сделал ретвит шуточного стихотворения, в котором спрашивалось, можно ли считать трансгендерных женщин женщинами в биологическом смысле².

Неформальная часть политической цензуры посредством политической корректности относится нами к символической цензуре в оговоренном выше смысле. Но и здесь случай политкорректности имеет свою специфику, которую следует прояснить хотя бы в общих чертах.

И первое, на что следует указать, и что, по-видимому, отличает цензуру политкорректности от некоторых других практик символической цензуры, – это специфическая архаичность, присущая ее запретам. Конечно, любая цензура есть запрет. Однако если формальная цензура не исключает диалог между цензором и автором цензурируемых текстов (своего рода дискурсивный «торг» между ними), то в случае неполиткорректных символов такой диалог исключен по умолчанию: речь вообще не идет о правильной интерпретации символа, но само тело символа должно быть вынесено за пределы публичного пространства, и точка. В этом смысле безусловность запрета, предполагаемого политической корректностью, чем-то сродни табу.

В свое время Л. Леви-Брюль усматривал специфическую черту первобытного мышления в том, что для него минимальное значение имеет естественная причинная зависимость между событиями и явлениями. А происходит так потому, что место упомянутой зависимости в архаическом сознании занимает то, что французский антрополог называл «мистической партиципацией». Для мышления, которому она свойственна, «изображение так же живет, так же может быть благодатным или страшным, как и воспроизводимое и сходное с ним существо, которое замещается изображением» [9, с. 40]. Когда в Британии тысячи людей подписывают петицию с требованием закрыть одно из старейших изданий страны «The Guardian», потому что оно было основано рабовладельцем, а во время Гражданской войны в США якобы очерняло президента Авраама Линкольна, отменившего рабство, – эту мотивацию злопамятно-политкорректных британцев еще можно попытаться понять. Но как объяснить мотивы тысяч американцев, которые подписывают петицию с требованием снести в Бостоне памятник этому самому президенту-освободителю³. Объяснение для данного требования, конечно, самими протестующими тоже выдвигается, только вот понять его рационально гораздо труднее, чем в британском случае. «Мемориал эмансипации», изображающий стоящего Линкольна с вытянутой рукой над темнокожим человеком на коленях и со сломанными оковами на запястьях, должен быть уничтожен, поскольку в теле этого символа освобождения многим мерещатся мотивы рабства: ведь бывший раб все еще на коленях, все еще ниже своего освободителя. Изначальная логика этого образа, призванная запечатлеть как раз момент самого освобождения, причем назидательным образом для потомков, для протестующих просто не существует. И за этим

¹ Dirakis A. Political Correctness: Implosion of Politics // Philosophies 2017, 2, 18 // URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/2/3/18/htm> (дата обращения: 12.12.2020).

² Tominey C., Walsh J. Man investigated by police for retweeting transgender limerick // The Telegraph News. January 24, 2019 // URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/01/24/man-investigated-police-retweeting-transgender-limerick/> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Settembre J. Petition to remove Boston statue of Lincoln standing over a slave garners thousands of signatures // Fox News. June 16, 2020 // URL: <https://www.foxnews.com/us/petition-to-remove-boston-statue-of-lincoln-standing-over-a-slave-garners-thousands-of-signatures> (дата обращения: 12.12.2020).

стоит своего рода мистическая партиципация, в которой памятник отождествляется не только с его «неполиткорректными» создателями, но и с самим Линкольном как его референтом. Сам памятник буквально *виноват* в том, что он внушает смысл, обратный тому, который он *должен внушать* (по замыслу его ниспровергателей). И за это преступление символ (памятник) должен быть наказан. Вина Линкольна здесь так же иррациональна, как и вина, к примеру, режиссера Квентина Тарантино, который осквернился уже тем, что герои самого антирасистского его фильма «Джанго Освобожденный» посмели более сотни раз нарушить табу, произнеся слово «ниггер»¹. Похожие примеры можно множить до бесконечности, и не только из американской политической жизни.

Понимание запрета в политкорректной цензуре не является, конечно, полным аналогом архаического табу; скорее, здесь можно говорить о квазиархаической табуированности определённых терминов и смыслов, выступающей одним из проявлений современного идеологического сознания. Политкорректный дискурс, как и любая современная идеология, предполагает, в отличие от чистой архаики, теоретическую рефлексию с набором базовых концептов. Так, в политкорректном дискурсе движения BLM центральным понятием выступает упомянутый «институциональный расизм», известный также под именами «системный» и «структурный» расизм. Этот концепт возник сравнительно давно [10], но свой звездный час пережил летом 2020 года, максимально упростившись до практического резюме: «Доказательства расовой иерархии этой страны видны повсюду. Давайте же уничтожим ее во всех ее жестоких проявлениях!»².

К специфике идеологической параноидности политкорректной цензуры. Современная медийная среда существенно усиливает конструктивистско-суггестивные возможности идеологического языка. В современных обществах он становится таким же вездесущим, как и камлание шамана в архаическом коллективе родственников. Тем самым усиливается такая его черта идеологического дискурса, причем не только тоталитарного, как параноидность, на которую в свое время указывала Ханна Арендт [11, с. 593]. На примере политкорректной цензуры мы видим, как это проявляется в наши дни, когда эпоха тоталитарных идеологий, казалось бы, уже миновала. Параноидность идеологии политкорректности хорошо заметна как раз в ее роли символической цензуры. За этим стоит дискурсивный механизм, который в когнитивном плане самодостаточен подобно языковому клише; он представляет собой триединство конструирования, вменения и осуждения запретного смысла.

Стремление политкорректности менять наше восприятие социальной действительности через изменение языка, которым она обозначается, основано на том, что исследователи традиционно называют «лингвистическим конструктивизмом», для которого, выражаясь терминами Л. Витгенштейна, границы моего языка есть границы моего мира. По этой причине политическую корректность часто связывают с гипотезой лингвистической относительности Сепира-Уорфа. И подобно тому, как у всякого языка есть своя картина мира, у политической корректности есть своя социальная онтология и даже историческая память, насквозь мифологизированная и политизированная. Страдания жертв угнетения (колониального, расового, сексуального и т.п.) абсолютизируются в этой онтологии до таких же вселенских масштабов, как и вина прошлых притеснителей-преступников. В результате стирается грань между прошлыми и будущими, реальными и потенциальными жертвами и палачами; их различие становится моральным абсолютом.

К специфике символической цензуры политкорректности относится то, что конструирование запретного смысла уже предполагает его вменение социальному актору, подлежащему публичному порицанию. Более того, запретный смысл потому и конструируется, чтобы реализовать это порицание. А. Диракис говорит в данном случае о присущей дискурсу политкорректности «перформативности суждений», когда слова имеют статус действия, и когда «наречение уже исключает, а исключение уже угрожает»³. Но в отличие от речевых актов, естественных для живого языка, политкорректная перформативность имеет квазимагическую идеологическую подоплеку: расизм и прочие сущности, которые цензурирует политкорректность, есть для нее не просто слова, но воплощение диффузного и вездесущего Зла, которое действует не по законам здравой логики, а по принципам мистической партиципации.

Далее, речь идет о политизации, поскольку символам вменяются политически опасные смыслы. При этом подозрение активистов политкорректного дискурса в причастности символов

¹ Квентина Тарантино обвинили в расизме // RN. 17.06.2020 // URL: <https://rusnext.ru/news/1592381224> (дата обращения: 12.12.2020).

² Bridges K.M. The Many Ways Institutional Racism Kills Black People // Time. June 11, 2020 // URL: <https://time.com/5851864/institutional-racism-america/> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Dirakis A. Political Correctness: Implosion of Politics // Philosophies 2017, 2, 18 // URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/2/3/18/htm> (дата обращения: 12.12.2020).

к экстремистским идеологиям мгновенно оборачивается уверенностью в этой причастности, а эта последняя – в необходимость порочные символы наказать (уничтожить). Отсюда неудивительно, что любая (даже чисто внешняя и случайная) причастность к запретным символам оказывается также причастностью к запретным идеям. Тарантино причастен к расизму, потому что герои его фильма произносят слово «ниггер». Отечественным случаем обратного по смыслу политкорректного вменения может служить заявление главы Союза женщин России Е. Лаховой о том, что радужные цвета на рекламных щитах и само название российского производителя мороженого «Радуга» могут косвенно напоминать о флаге ЛГБТ¹. Этот пример, однако, ничуть не лучше или хуже претензий к названию мороженого «Эскимо», в котором западные адепты политкорректности узрели унижение эскимосов.

Вменение здесь ссылается не на моральную норму (потому что оценивается не реальный поступок, а лишь манифестация языковых символов), не на аргументы и факты для отнесения к статье закона, а просто на факт предъявления запретного символа, который – и это важно – отождествляется с запретным действием.

Осуждение как отмеченный нами третий элемент идеологической параноидности политкорректности выходит далеко за рамки морального порицания. Оно является наказанием в тройном смысле, поскольку к моральной оценке здесь добавляется судебное разбирательство и даже внесудебная расправа. Последняя представлена не только как физическое насилие, как например, во время погромов под знаменем BLM; гораздо чаще это значит потерю работы, контрактов, прибыли, авторитета и т.п. Западные медиа полны материалов с описанием такого рода случаев. Известная тележурналистка Мегин Келли была уволена с телеканала NBC News после ее фразы о гриме blackface, который традиционно использовался в театральных постановках для высмеивания афроамериканцев. Причем ничего расистского в самой-то фразе не было: просто Келли заметила, что использование такого грима сейчас допустимо во время Хэллоуина, где оно лишено расистских коннотаций.

Таким образом, вначале конструируется запретный смысл символа, отвязанный от его семантики в реальных жизненных контекстах: языковая игра с этим символом останавливается, подобно тому, как, по словам Х. Арендт, «стабилизируется» индивид в тоталитарных системах. Слова как бы изымаются из их естественного обращения в языке и помещаются в дискурсивный «лагерь» с тотальным надзором – подобно тому, как террор «заменяет правовые границы и каналы коммуникаций между людьми поистине стальными скрепами, которые так сильно стягивают их, что людское многообразие как бы исчезает в одном человеке гигантских размеров» [11, с. 604]. В обоих случаях действует принцип потенциальной, а не реальной вины, но с позиции самой политкорректной цензуры данного различия не существует.

Специфика политкорректности состоит, помимо прочего, в том, что ее эффективность в качестве политической цензуры оценивается по когнитивному критерию: насколько людей заставляют мыслить и чувствовать «так, как надо». Соответственно, контроль идет здесь гораздо дальше отдельных слов или смыслов; запрещенными оказываются определенные способы познания как такового. В этом смысле цензура посредством политкорректности перетекает в когнитивную политическую цензуру, которая означает блокировку таких базовых когнитивных способностей, как концентрация внимания, связное мышление, память и т.д.². В случае политкорректности цензура ослабляет прежде всего способность связно и логично судить о происходящем. Заметим: даже не критично мыслить, выдвигая какое-то альтернативное видение, а просто высказывать суждения, уважающие элементарную логику.

Известный американский журналист Мэттью Тайбби рассказывает в одной из своих глубоких публикаций³ историю своего коллеги Ли Фанга (Lee Fang), инвентивного журналиста из американского издания «The Intercept». Тот пытался как раз судить о происходящих под флагом BLM погромах с позиции здоровой логики: «Почему жизнь чернокожего имеет значение только тогда, когда ее забирает белый?». Этого рассуждения было достаточно, чтобы один из коллег Ли Фанга публично объявил его расистом из-за непонимания сути «институционального расизма».

¹ Производитель мороженого «Радуга» отверг предположения о флаге ЛГБТ // RT на русском. 03.07.2020 // URL: <https://russian.rt.com/russia/news/761192-morozhenoe-raduga-proizvoditel> (дата обращения: 12.12.2020).

² Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Strategies of cognitive censorship as an effect of “new media” // Dilemas contemporáneos: educación, política y valores. Año VII, Edición Especial Febrero 2020 // URL: <https://www.dilemascontemporaneoseduccionpoliticaayvalores.com/index.php/dilemas/article/view/2186/2241> (дата обращения: 12.12.2020).

³ Taibbi M. The American Press Is Destroying Itself. A flurry of newsroom revolts has transformed the American press // Reporting by Matt Taibbi, Juni 13, 2020 // URL: <https://taibbi.substack.com/p/the-news-media-is-destroying-itself> (дата посещения: 12.12.2020)

Тайбби обращает внимание на цензурный потенциал концепта «токсичной культуры рабочего места», который требует от сотрудников самоцензуры, исключая в дискурсе любой повод для обвинений в неполиткорректности. А в языке такие поводы легче всего связываются с риторическими средствами, тропами. Получается, что политкорректность цензурирует саму способность мыслить выразительно, нестандартно. Мало того, что М. Келли лишилась работы только из-за прикосновения к табуированной теме; одну совершенно неизвестную женщину уволили после того, как она появилась на вечеринке в честь Хэллоуина в гриме blackface, чтобы высмеять упомянутую Мегин Келли¹. Обычный человек хотел изобразить пародию, а получилось преступление под этикеткой «системного расизма». А редактор «Philadelphia Inquirer» Стэн Вишовски был вынужден покинуть свой пост, лишь утвердив заголовок «Здания тоже имеют значение». Здесь объектом цензуры стала «слишком креативная» метонимия.

Но главной когнитивной жертвой политкорректной цензуры стал комический элемент публичного дискурса, и здесь налицо известные параллели с тоталитарным контролем. М. Тайбби, проанализировав жесткую цензуру со стороны движения BLM языковых игр, свойственных любой сатире и юмору, приходит к выводу, что «основной характеристикой нынешнего политического климата является полное отсутствие чувства юмора в любом направлении»². При этом нарушитель норм политкорректности уже не может ограничиться простым пояснением, что его неправильно поняли. И даже простого извинения мало – теперь необходимо покаяние за осквернение святыни, за нарушение табу.

Политические риски символической цензуры посредством политкорректности. Политическая корректность является лишь частью фундаментальной проблематики, с которой столкнулось современное общество. Немало исследователей пишут об угрозе нового тоталитаризма (диктатуры «мирового олигархата», «нового средневековья» и т.п.), которая, помимо прочего, вырисовывается на пересечении мутирующего в духе политкорректности либерализма и новых коммуникативных технологий. Даже не склонные к мудрствованиям и левым сантиментам западные журналисты констатируют: в 40-х годах прошлого века Оруэлл с ужасающей точностью описал то, что происходит сегодня; «страшно смотреть, как разрушают памятники, как людей за малейшую оговорку увольняют, как переписывают книги – в точности как предсказывал Оруэлл»³. Но даже если не разделять совсем пессимистического взгляда на будущее, трудно не признать, что политкорректность в ее функции политической цензуры создает ряд рисков для стабильного демократического порядка.

Прежде всего, многие западные интеллектуалы отмечают слабость и зачастую иллюзорность политкорректности в качестве средства предотвращения социальных конфликтов. Американский психолог Стивен Пинкер пишет в этой связи о «бегущей дорожке эвфемизмов» [12, с. 151-152], когда каждое изменённое (смягченное) слово впитывает в себя все негативные ассоциации от предыдущего. Для того, чтобы новые термины не получали такой «багаж», необходимо изменение общественного отношения к самому обозначаемому объекту, а слово должно объективно отражать эти изменения – иначе процесс может длиться до бесконечности. Аналогичную позицию в рамках фем-дискурса о специфике «языка ненависти» транслирует и Джудит Батлер, представительница постструктурализма. По её мнению, реконтекстуализация слов и явлений намного больше отразится на фактическом состоянии общества, чем лексические ограничения на уровне государства [13].

Но политкорректность не только ограничена в реализации своей позитивной функции; в роли цензуры она создает ряд дополнительных негативных эффектов. Прежде всего, такая цензура усиливает культуру либерального «двоемыслия».

¹ Ukkola S. Patsaiden kaatajat ovat väärässä ja Eskimo-puikon nimi pitää säilyttää – noitavaino saa riittää! [Люди, свергшие статуи, ошибаются, а название «Эскиммо» должно быть сохранено – хватит охоты на ведьм!] // Iltalehti. 25.06.2020 // URL: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/c98c2fa4-9a1c-4345-aff6-84cbf2b827e6> (дата обращения: 12.12.2020).

² Taibbi M. The American Press Is Destroying Itself. A flurry of newsroom revolts has transformed the American press // Reporting by Matt Taibbi, Juni 13, 2020 // URL: <https://taibbi.substack.com/p/the-news-media-is-destroying-itself> (дата посещения: 12.12.2020)

³ Ukkola S. Patsaiden kaatajat ovat väärässä ja Eskimo-puikon nimi pitää säilyttää – noitavaino saa riittää! [Люди, свергшие статуи, ошибаются, а название «Эскиммо» должно быть сохранено – хватит охоты на ведьм!] // Iltalehti. 25.06.2020 // URL: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/c98c2fa4-9a1c-4345-aff6-84cbf2b827e6> (дата обращения: 12.12.2020).

Западные обозреватели пишут о «шторме лицемерия» в связи с движением BLM¹. Когда летом 2020 года протестовали активисты этого движения, либеральные издания выходили с заголовками вроде «Двадцать семь полицейских получили ранения во время мирных антирасистских протестов в Лондоне»², и никто из активистов не замечал в этих заголовках очевидного абсурда.

Политкорректное лицемерие делает хорошую услугу любому популисту, который благодаря критике такого лицемерия легко предстает перед аудиторией своим парнем, рубящим правду-матку об «этих там, наверху». Так, президентские выборы 2016 года в США показали, что поведение кандидата, открыто игнорирующего нормы политической корректности и позволяющего себе использование провокационных и оскорбительных выражений, не только привлекает к себе внимание широкой публики, но и находит отклик у значительной ее части. Д. Трамп утверждал тогда, что Б. Обама и Х. Клинтон «поставили политкорректность выше здравого смысла»³. Эта стратегия, дополненная апелляцией к простым и понятным каждому американцу концептам (безопасность, экономический рост, доступная медицинская помощь и т.д.), помогли Трампу победить на выборах.

Облегчая дорогу популистам в сфере публичного дискурса, политкорректная цензура, с другой стороны, создает риск вытеснения инвентивной журналистики, стремящейся докопаться до сути вопросов и донести ее до сведения широкой общественности. Но правда, как известно, многим режет слух и колет глаза, а потому далеко не всегда вписывается в охранительное воображение политкорректности. Если же излагать ее на языке только мягких и нейтральных символов, это будет уже полуправдой, то есть дезинформацией. Тогда выключается действие принципа «более информированная публика будет принимать лучшие решения». Оно как бы незаметно подменяется другим принципом: «Правильно информированная публика будет принимать правильные решения». Загоняя суждения о реальных социальных проблемах в рамки эвфемизированной лексики, политкорректность заслоняет доступ к адекватному пониманию окружающей действительности. А это поощряет политический эскапизм, желание граждан держаться подальше от политики как минного дискурсивного поля, где любое неосторожное слово чревато утратой моральной и деловой репутации.

Однако самый главный риск, который создает политкорректность, и который стал очевиден на улицах западных городов летом 2020 года, заключается в том, что она превращается в «новую форму социального радикализма»⁴, который угрожает главной ценности, ради обеспечения которой политкорректность, собственно, и задумывалась – гражданскому миру. Эта угроза связана сразу с несколькими моментами.

Во-первых, это радикализм манихейского видения социального мира, где есть абсолютный злодей (большинство) и его вечная жертва (меньшинство), причем меньшинство заранее и во всем право. Такая позиция поощряет нетерпимость к альтернативным идеям под видом легитимации действий против мнимого «тоталитаризма большинства». Как бы иронически обращая токвилевский концепт «деспотии большинства», политкорректность по факту стремится воплотить его в жизнь.

Далее, принцип существования политической корректности в политическом дискурсе можно сравнить с процессом, который описывается законом Грешема в экономической науке, согласно которому плохие деньги вытесняют хорошие, если они имеют одинаковую цену. Аналогичная вещь может происходить и в дискурсивном пространстве: из публичных дискуссий в условиях политкорректности, видя выражение достаточно радикальных взглядов, могут выходить участники, имеющие умеренную позицию. Это происходит, в том числе и потому, что для таких людей серьезной угрозой является так называемая «репутационная девальвация» или социальный остракизм, а также следующая за ними потеря профессиональных возможностей. Именно поэтому публичный политический дискурс часто оказывается более поляризованным, чем реальное распределение общественного мнения.

Политической радикализации способствует и упомянутая квазиархаическая перформативность статуса речи в политкорректной цензуре, поскольку последняя может оправдать физическое

¹ Brown A. Hypocrisy Storm. The Guardian facing calls to 'shut down' over founder's use of slaves and siding against Lincoln in US Civil War // The Sun. 15 Jun 2020 // URL:

<https://www.thesun.co.uk/news/11864739/lincoln-guardian-shut-down/> (дата обращения: 12.12.2020).

² Wootton D. Fury over the BBC's hypocritical coverage of violent protests is real // The Sun. June 8, 2020 // URL: <https://www.thesun.co.uk/news/11811735/fury-bbc-hypocritical-coverage-violent-protests/>

³ Weigel M. Political correctness: How the right invented a phantom enemy // The Guardian. November, 30, 2016 // URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/nov/30/political-correctness-how-the-right-invented-phantom-enemy-donald-trump> (дата обращения: 06.07.2020).

⁴ Dirakis A. Political Correctness: Implosion of Politics // Philosophies 2017, 2, 18 // URL: <https://www.mdpi.com/2409-9287/2/3/18/htm> (дата обращения: 12.12.2020).

принуждение, реагируя на речевой акт как на акт физический. Описанная выше картина мира, стоящая за перформативным пониманием языка в политкорректности, напрямую способствует радикализации, поскольку воображаемые смыслы, которая она конструирует и вменяет в цензурируемый ею дискурс, изначально конфронтационные. Тем самым политкорректность в роли символической цензуры реализует ироническое обращение своей исходной миссии: стремясь упростить, умиротворить и деполитизировать публичный дискурс ради предотвращения политических конфликтов, она сама становится фактором их провокации.

Заключение. Движение BLM актуализировало вопрос о том, следует ли политическую корректность квалифицировать как вид политической цензуры. Утвердительный ответ на данный вопрос можно обосновать, рассматривая политическую корректность как разновидность символической цензуры. Символическая цензура – это совокупность главным образом неофициальных, но также полуофициальных и реже официальных запретов, общим отличительным признаком которых является табуирование символических значений, рассматриваемых теми или иными коллективными социально-политическими акторами в качестве этически недопустимых и политически провокационных.

Политкорректность соединяет в себе два типа цензуры: формальную (административно-правовую) и символическую как разновидность неформальной цензуры. В своей неформальной части символическая цензура посредством политкорректности обнаруживает черты архаического мышления с присущим ему принципом мистической партиципации и табуизацией нежелательных для публикации смыслов. Этот момент усиливается теоретической рефлексией на основе базовых концептов вроде «институционального расизма», что соответствует общей специфике идеологического дискурса. Этой же специфике отвечает и параноидный момент политкорректной цензуры, реализующийся как триединство конструирования, вменения и осуждения запретного смысла. В силу данной специфики символическая цензура посредством политкорректности снижает интеллектуальный уровень публичных дискуссий, поощряя дискурсивный режим казарменного единообразия и бюрократической бесстрастности. Тем самым превращение политкорректности в цензуру есть пример иронической инверсии исходных функций дискурса: запрет на клеветнические и стигматизирующие высказывания в адрес реально притесняемых меньшинств, призванный обеспечить социальный мир, оборачивается жесткой политической цензурой, наносящей вред гражданскому просвещению и поляризующей публичное пространство.

Литература

1. Лукичева М.В. Политкорректность по-немецки // Педагогическое образование в России. 2015. №10. С. 151 – 156.
2. Шарапова И.В., Кобенко Ю.В. История возникновения понятия "political correctness" и способы его интерпретации // Вестник ТГПУ. 2014. № 10 (151). С. 46 – 50.
3. Nimon M. Fiction, political correctness and teacher-librarians // Access. 1993. Vol. 7. No. 2. P. 19 – 21.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.- СПб.: Медимум, Ювента, 1997. 312 с.
5. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
6. Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
7. Бондарик Е. Свобода информации: неформальные практики регулирования СМИ в современном российском политическом процессе // Вестник общественного мнения. 2018. №1-2 (126). С. 145 – 152.
8. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1999. 608 с.
10. Miller J.L., Garran A.M. The Web of Institutional Racism // Smith College Studies in Social Work. March 2007. No. 77(1). P. 33 – 67.
11. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
12. Линкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
13. Dhawan N. Meinungsfreiheit, Hassrede und die Politiken der Zensur // Feministische Studien. 2018. № 2/18. S. 322-334.

Potseluev Sergey Petrovich, Doctor of Political Sciences, Professor of Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: spotselu@mail.ru

Kurbatov Andrei Vladimirovich, student, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: and.kurbatov2012@yandex.ru

Manik Anastasia Sergeevna, student, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: manicknastyia@yandex.ru

**POLITICAL CORRECTNESS AS POLITICAL CENSORSHIP:
TOWARDS THE IRONY OF ONE CONCEPT**

Abstract

The purpose of this article is to analyze the censorship function of political correctness. According to the authors, this issue requires, first of all, conceptual clarification, since the qualification of political correctness as censorship is not obvious to many and is even paradoxical. Based on the concepts of "invisible censorship" by P. Bourdieu and "symbolic power" by T. van Dijk the authors show how the concept of political censorship expands to include the practice of political correctness. On the other hand, it examines how the phenomenon and concept of political correctness converges with censorship practices as it evolves. Special attention is paid to the discursive features of political correctness as a kind of symbolic political censorship; moreover, the socio-political risks associated with this phenomenon are assessed.

Keywords: *political correctness, political censorship, symbolic censorship, public discourse, cognitive censorship, mystical participation, tabooization, euphemism, linguistic constructivism, performativity, political escapism.*

References

1. Lukicheva M.V. Politkorrektnost' po-nemecki // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. №10. P. 151 – 156.
2. SHarapova I.V., Kobenko YU.V. Istoriya vznikoveniya ponyatiya "political correctness" i sposoby ego interpretacii // Vestnik TGPU. 2014. № 10 (151). P. 46 – 50.
3. Nimon M. Fiction, political correctness and teacher-librarians // Access. 1993. Vol. 7. No. 2. P. 19 – 21.
4. Horkkhajmer M., Adorno T.V. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. M.- SPb.: Medium, YUventa, 1997. 312 p.
5. Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 p.
6. Burd'yo P. O televidenii i zhurnalistike. M.: Fond nauchnyh issledovaniy "Pragmatika kul'tu-ry", Institut eksperimental'noj sociologii, 2002. 160 p.
7. Bondarik E. Svoboda informacii: neformal'nye praktiki regulirovaniya SMI v sovremennom rossijskom politicheskom processe // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2018. №1-2 (126). P. 145 – 152.
8. Van Dejk T. Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 344 p.
9. Levi-Bryul' L. Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. M.: Pedagogika-press, 1999. 608 p.
10. Miller J.L., Garran A.M. The Web of Institutional Racism // Smith College Studies in Social Work. March 2007. No. 77(1). P. 33 – 67.
11. Arendt H. Istoki totalitarizma. M.: CentrKom, 1996. 672 p.
12. Pinker S. CHistyj list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya. M: Al'pina non-fikshn, 2018. 608 p.
13. Dhawan N. Meinungsfreiheit, Hassrede und die Politiken der Zensur // Feministische Studien. 2018. № 2/18. P. 322-334.